

Живет в Хайфе (Израиль).

Варианты

Покидая в поезде кутерьму,
толчею и прочий хаос вокзала,
подготовь себя ко всему тому,
что гадалка старая предсказала.
Проводница Клавдия вдрызг пьяна.
Ни о чём упорно бубнит попутчик.
В поездах нельзя полагаться на
то, что время вылечит, жизнь научит.
Будь себе учителем и врачом
и, пока водитель считает шпалы,
слушай трёп попутчика ни о чём
и рассказы Клавы о чём попало.
Если твой сосед не обрежет нить
разговора, лишка хлебнув из фляжки,
если Клава станет тебя дразнить,

задирать подол, оголяя ляжки,

притворись умело, что ты простой
представитель армии пассажиров:
демонстрируй прыть, боевой настрой,
правоту, умение беситься с жиру.
Ври прекрасной Клаве, что всей душой
с малолетства тянешься к проводницам,
что готов отдаться любви большой,
соблазниться, сблизиться, породниться.
Потрепав попутчика по плечу,
взяв стакан, бочком пробирайся к двери.
Если спросят: «Хочешь?», ответь: «Хочу!»
и когда тебе, наконец, поверят,
резко в лоб соседу метни стакан,
убедись, что Клава тебя боится,
и шагни за двери, где ждёт стоп-кран,
полоса в газете и психбольница.

Или Клаве сам задери подол,
а потом, её красотой сражённый,
попроси деньжат у соседа в долг.
Если даст, возьми проводницу в жёны
и сыграй с ней свадьбу в своём купе
(пусть попутчик песню споёт любую),
веселись безудержу, водку пей,
благоверной пьяной до слёз любуйся.
Поселитесь в тамбуре. По утрам
о любви воркуйте, смотрите ящик,
принимайте вместе по двести грамм,
близко к сердцу, меры, гостей курящих.
Вы семьёю будете дорожить,
запасаться впрок и бельём, и чаем
и безбедно, счастливо, долго жить-
поживать, друг в дружке души не чая.

Или скрой за шторами век глаза,
заслони щитами ладоней уши,
не смотри вперёд, не смотри назад,
никому не верь, никого не слушай.
Повернись к стене и считай до ста.
Потому что ночь, потому что поезд.
Потому что ты от всего устал,
сыт по горло, окаменел по пояс.
Гробовым молчаньем заполни рот,
даже если вкус нестерпимо горек,

потому что ты убегаешь от
вот таких попутчиков, клав, попоек.
Ощущая рёбрами стук колёс,
немоту охотно приняв за норму,
просто жди, пока скоростной колосс
твою тень не выплюнет на платформу.

И вот когда стихает шум воды

Тане

1.
года текут сквозь пальцы как вода
когда водица прекратит струиться
я жизни обязательно воздам
за всё сторицей
работа дом тоска работа дом
надёжно вяжет будней парутину
конечно всё случится но потом
пока противно

бывают дни когда любой предмет
и звук и запах только раздражают
бесплодные как дробка и минет
без урожая
и серый волк и семеро козлят
и фикус захвативший подоконник
меня своей бессмысленностью злят
почти до колик

вода течёт в отверстие в полу
и никаких камней в пути не точит
погода дрянь подайте мне пилу
умри цветочек
ловить потом весёлая игра
когда потом опять не наступает
под ложечку вонзается игла
как жизнь тупая

под звуки вяло льющейся воды
я предаюсь безрадостным мыслишкам
не верю в жизнь и жизнь алаверды
в меня не слишком
потом не наступает даже на
луне потома просто не бывает
потом – поток потоп и тишина
тьма гробовая

2.

но вот когда стихает шум воды
и ты выходишь голая из душа
неся в зубах невинную улыбку
и как бы невзначай лишая смысла
всё ранее написанное мной

и вот когда стихает шум воды
и ты выходишь голая из душа
достойная предельно точной рифмы
и как бы невзначай напоминая
что мне тебя слабо зарифмовать

и вот когда стихает шум воды
и ты выходишь голая из душа
прекрасная как утреннее солнце
как чёрный кофе с крепкой сигаретой
как женщина поэтовой мечты

и вот когда стихает шум воды
и ты выходишь голая из душа
оставив на потом свою одежду
и прочий хлам потом необходимый
тогда и начинается сейчас

Две строчки в час

Утро. Весна. Солнце и облака
в небе – как будто утренняя глазунья.
Кровь состоит из птичьего молока,
мёда, корицы, сладостного безумья.
Солнце застыло: солнечный скарабей,
видимо, нынче взялся за новый шарик.
Всё-таки жизнь пленительна, хоть убей,
хоть оживи... Море волнами шарит
по побережью. Вызвать бы – для чего...
Впрочем, неважно. Главное, я – свободен!
Падают чайки. Вспомнив о кочевой,
движется солнце. Скоро наступит полдень.

Полдень. Весна. Солнце нашло зенит.
Жить – хорошо, жизнь – вообще прекрасна.
Дети резвятся. Нежно комар звенит.
Как бы всё это изобразил Пикассо,
если бы небо стало его холстом,
рослая пальма, скажем, огромной кистью?

Чайка по имени Джонатан Ливингстон
снова чудит. Джонатан, ты прикинься
паинькой, что ли, падай, разинув клюв,
вместе со всеми вниз, не летай далече!
Шепчутся волны. Малость передохнув,
движется солнце. Скоро наступит вечер.

Вечер. Весна. Вымотавшись, устав,
солнце, ворча, ворочается в кровати.
Если тебе не спится, считай до ста,
солнце моё. Пыла запас истратив,
Море сопит спокойно, пока луна
лунным мелком рисует на нём дорогу.
В этой дороге главное не длина,
но глубина... Я бы пошёл, ей-богу,
этим путём в далёкое далеко...
Но, удержавшись, я поступаю мудро.
Ночь на исходе. Штиль. На душе легко.
Солнце проснулось. Скоро наступит утро.

Утро. Весна. В небе над головой
инверсионный след журавлиной стаи.
Я издаю пронзительный горловой,
резко стартуя, – этаким спринтер/стайер.
Вот разогнался, прыгнул... и был таков.
Я догоню пернатых, скажу: «Не ждали?!»
Дальние дали – сказки для дураков.
Но почему-то именно в эти дали
хочется упомянутым дуракам.
Вот и меня неумолимо тянет
в дальние дали ласковая рука,
впившись в загривок ласковыми когтями.

{jacomment off}